

Габдулле Тукаю –
125 лет

*Рафизле
Мустафин*

В клетке мира было тесно...

Рис. Анвара Сайфутдинова

Год Тукая

71

2011 год объявлен международной организацией ТЮРКСОЙ годом Тукая.

ТЮРКСОЙ – это крупнейшая гуманитарная организация тюркского мира.

По размаху своей деятельности по сохранению, развитию и пропаганде материальных и культурных ценностей тюркских народов она сопоставима с ЮНЕСКО. Создана в 1993 году. В неё входят Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Турция. От России сюда в качестве наблюдателей вошли Татарстан, Башкортостан, Хакасия, Тыва, Саха-Якутия и Гагаузия. Во всех этих странах и республиках планируются юбилейные мероприятия, посвящённые татарскому поэту: научные симпозиумы и конференции, творческие встречи с писателями Татарстана, концерты мастеров искусств, а также издание стихов Тукая и посвящённых ему книг.

Генеральный секретарь ТЮРКСОЙ Дюсен Касеинов (Турция) во время встречи с президентом Республики Татарстан Рустамом Миннихановым заявил, что считает своим долгом лично проследить за проведением подобных мероприятий, поскольку творчество Тукая оказало заметное влияние на литературы всех тюркоязычных стран. В этот год планируется также включение творчества великого татарского поэта в «Список нематериального культурного наследия ТЮРКСОЙ».

Дом Шамиля

Это необычное двухэтажное здание, напоминающее средневековый замок восточных правителей, является, пожалуй, самым красивым в Старотатарской слободе. Оно построено на рубеже XIX–XX веков по заказу купца первой гильдии Ибрагима Апакова и по проекту казанских архитекторов Амлонга и Руша.

В тукаевские времена здесь жил сын знаменитого кавказского имама Шамиля, генерал-майор Мухаммедшафи Шамиль. Оттого и дом этот прозвали в народе Домом Шамиля. Юный Габдул-

ла, конечно же, не раз проходил мимо этого роскошного барского особняка. Но бедного журналиста и «стихоплёта», скорее всего, даже на порог не пускали. А с 1986 года – года столетия великого поэта – дом полностью отдали ему. Здесь открыт музей Габдуллы Тукая, ежегодно принимающий тысячи посетителей.

Каждый раз, бывая в этом историческом месте, я испытываю душевный трепет. В сотый раз рассматриваю личные вещи, кажется, ещё хранящие следы прикосновений поэта.

Вот плетёная дорожная корзина, в которую Тукай укладывал свой нехитрый скарб. С нею поэт ездил в Уфу,

Астрахань, Петербург и другие города. Вот изящная фаянсовая шкатулка, купленная Тукаем с первого гонорара для своей сестры. Его татарская тубетейка, кажется, только что снята с головы... Серебряные запонки... А золотых и более дорогих вещей у Тукая вообще не было. Хотя за пять лет пребывания в Казани произведения поэта выходили отдельными изданиями 23 раза. Только в течение одного 1909 года увидели свет девять его поэтических сборников. Кому-то эти издания, пользовавшиеся широким спросом, приносили неплохие доходы. Но только не самому автору.

Рассматриваю посмертную маску поэта. На ней отчётливо отпечатались вселенская грусть и убеждение в тщетности земных усилий. Невольно вспоминаются ставшие хрестоматийными строки:

Из железной клетки мира отлетает,
Отлетает юная душа моя...

Металлический стакан для карандашей, купленный поэтом в Петербурге в 1912 году. Домра Тукая («Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал...»). Фото похорон в апреле 1913 года, на котором запечатлены многотысячные толпы поклонников и почитателей поэта, провожающие его в последний путь.

И, конечно же, книги самого Тукая и исследования, посвящённые его творчеству.

Загадка славы Тукая

Поэтическая слава – вещь весьма загадочная, связанная не столько с талантом, сколько с внелитературными проблемами и явлениями.

Один мой знакомый, русскоговорящий татарин, честно признавался:

– Я добросовестно пытался читать и даже штудировать стихи и поэмы Ту-

кая. Не спору – есть у него отличные строчки, удачное использование элементов татарского фольклора, порывы души искренней и честной. Но считать его большим поэтом, а уж тем более великим – я никак не могу. Его не поставишь не только рядом с Пушкиным, но даже с такими поэтами, как Евтушенко, Вознесенский, Окуджава... И чего его так превозносят?

Я пытался объяснить ему, что Тукай – глубоко национальный поэт. Что он выразил самую душу угнетённого татарского народа. Что он впервые разработал и ввёл в творческую практику современный литературный язык. А до этого у нас в татарской письменной литературе господствовал далёкий от народа «тюрки». То есть общетюркский язык, понятный лишь образованной элите.

Что касается Евтушенко и других, то надо согласиться, что техническая оснащённость современных поэтов возросла. Это как в спорте, высоту Валерия Брумеля сегодня легко берут юноши, но от этого в прыжках в высоту заслуги рекордсмена Брумеля неумолимы.

– По-моему, Дэрдменд в поэтическом отношении куда выше, – настаивал на своём мой оппонент.

– Нельзя судить только по литературному мастерству. Тукай для татарской поэзии сделал примерно то же, что Пушкин для русской. Тут сказалась и трагическая судьба Тукая, и его близость к народным массам. Дэрдменд был миллионером и интересовался больше общефилософскими вопросами. А Тукай поднимал более актуальные и близкие читателям темы.

– А разве такие писатели, как Гаяз Исхаки или Фатих Амирхан не поднимали эти темы?

– Да, тут сказался и процент удачи. Если можно назвать удачей смерть от туберкулеза лёгких в 27 лет... Но главное при этом – народное восприятие. Именно в сознании широких читательских масс Тукай и признан великим. И с этим не поспоришь.

– И вообще, на мой взгляд, роль поэзии сильно преувеличена, – не сдавался молодой критик. – Сейчас подавляющее большинство читателей стихов не читает. За рубежом поэтические сборники издают в количестве 300 – 500 экземпляров – только для любителей. На общественную жизнь это никак не влияет.

– У нас же в начале прошлого века дело обстояло совсем иначе. Поэты были глашатаями эпохи, своего рода национальными мессиями. Да и сейчас у нас поэзия – это форма существования родной речи, её пышного цветения. Умрёт поэзия – умрёт и татарский язык. И нация в целом. Нация, полнее всего выразившая себя именно в творчестве Тукая.

Необходимо новое прочтение

Разговор с этим скептиком заставил меня задуматься о том, что духовное наследие нуждается в постоянной пропаганде, разъяснении и переосмыслении. Нельзя подходить к поэтическому наследию с точки зрения вкусов сегодняшнего дня. Тут нужен исторический подход. Поэтому надо не просто повторять, как попугай: Тукай велик, велик, велик. Необходимо и новое его прочтение с позиций новых требований.

Вот, скажем, большинство современных горожан, особенно русскоговорящих, идентифицируют себя с европейцами. А Тукай опирался не только на европейскую, а на многовековую восточную поэзию. Так что для того, чтобы его воспринять, надо быть знакомым с восточными традициями и в какой-то мере ощущать себя евроазиатом.

Ещё один нюанс. Татарская нация и татарский язык тесно связаны с тысячелетним крестьянским прошлым. Именно эту деревенскую стихию и отразил Тукай в своём творчестве. Поэто-

му с точки зрения горожанина многое в его стихах либо непонятно, либо кажется примитивным.

Да, Тукай не получил такого всемирного признания, как Гёте у немцев, Байрон у англичан или Пушкин и Достоевский у русских. Но каждый уважающий себя татарин с детских лет помнит наизусть несколько стихотворений Тукая. Цитаты из него вошли в повседневную разговорную речь. Если брать меня, то без Тукая в моём духовном мире образовалась бы огромная чёрная дыра. Мой дедушка был неграмотным, но с удовольствием цитировал строки из поэмы «Шурале». И вообще при каждом удобном случае в подтверждение своих слов приводил высказывания Тукая. Для него Тукай был так же велик, как и пророк Мухаммед.

В связи с этим ещё одно соображение. У каждого народа бывает своё осевое время, определяющее вектор развития нации на многие столетия вперёд. У христиан – время Иисуса Христа. У арабов – время пророка Мухаммеда. А у нас, татар, – начало XX века, то есть время Тукая и его окружения. Может быть, в эпоху всемирной паутины народится что-то иное. Но пока сознание татарской нации определяется именно тукаевскими мотивами, его идеологией.

Душа Тукая была озарена «стремлением к свету вечным». О своей спянности с народом поэт писал так:

**Мне счастье татар дороже жизни.
Дождусь ли я для них хорошей жизни?
До срока думой тяжкою состарен,
Я сам татарин, истинный татарин.**

Многие социологи называют наступивший XXI век веком разрыва традиций. Уменьшить отрицательный резонанс всеобщей глобализации можно лишь с опорой на глубокие национальные традиции. В частности, поэзия Тукая способна поднять человека на иной, высший духовный уровень. Да, для восприятия его поэзии необходимы и какие-то усилия, и определенная эстетическая культура. Для тех, кто при-

вык при чтении скользнуть лишь по поверхности, не утруждая извилин, это непросто. Но без усвоения традиций прошлого невозможно и уверенно смотреть в будущее.

Нам предлагают подлецы,
мы слышим чёрный их совет:
К султану вы должны уйти, а здесь
для вас дороги нет.
Мы не уйдём туда: уйти не могут
города и реки,
Здесь пережитые века пребудут
с нами здесь навеки.

Тукай и родной народ

Поэт всегда выступал за тесную непримиримую дружбу с русским народом:

С народом России мы вместе певали,
Есть общее в нашем быту и морали.
Вовеки нельзя нашу дружбу разбить,
Нанизаны мы на единую нить.

Сходные мысли поэт проводит в стихах «Надежды народа», «Чего же не хватает сельскому люду?», «Татарской молодёжи» и др.

К этому следует добавить, что Тукай не был чистым «сливочным» лириком. Он и страстный публицист, и тонкий, требовательный литературный критик, и активно работающий журналист, и переводчик, и общественный деятель. И всё это – в какие-то 27 лет!

74 Многие знаменитые поэты уходят в прошлое вместе со своим временем и постепенно забываются. А гений Тукая не тускнеет и ровно светит в течение более сотни лет. Место Тукая в народном сознании не нуждается в пересмотре, в отличие от творчества некоторых модных в своё время, но вскоре забытых поэтов. Стихи Тукая помогают спасти нацию от исчезновения, а души людей – от очерствления.

Народная любовь к «туры Тукаю», то есть к прямому, справедливому Тукаю, стала возможна лишь на основе полной взаимности. «Как я горд, народ прекрасный, что тебе принадлежу», – писал Тукай. И дальше: «Быть хочу твоим поэтом, за тебя стоять стеной». И это были не пустые слова, ибо Тукай вложил в них всю страсть, весь жар своего сердца.

Близок сердцу дух народный,
Я мечтаю, край родной,
Жить с тобой одной печалью
Или радостью одной.

Вот из этой веры в силу народного духа и рождался исторический оптимизм поэзии Тукая. Но эта любовь к своему народу никогда не переходила у Тукая в ограниченный национализм и сепаратизм. В предреволюционные годы в российской прессе стали раздаваться призывы великодержавных шовинистов: уходите, мол, в Турцию, если хотите соблюдать свою религию и сохранять свой язык. Тукай ответил на это гневной отповедью:

Память

Стихотворение Тукая «Родной язык» стало своего рода гимном широких народных масс. Почти каждое культурное мероприятие на татарском языке заканчивается коллективным исполнением этого гимна:

Родной язык – святой язык,
отца и матери язык,
Как ты прекрасен! Целый мир
в твоём богатстве я постиг.

Именем Тукая названы улица и центральная площадь в Казани, станция метро, улицы в Уфе, Уральске, селах Арского района и других местах. Памятники поэту воздвигнуты в столице республики Казани, Санкт-Петербурге, Уральске. Готовится к открытию памятник Тукаю в Москве. Имя Тукая гордо носит многопалубный пассажирский теп-

лоход, бороздящий воды любимой по-этом Идели.

Но есть и невозполнимые потери. Я имею в виду снос номеров «Булгар», в сороковой комнате которых Тукай прожил большую часть своей жизни в Казани.

Приходится напомнить, что это своеобразное трёхэтажное кирпичное здание на углу улиц Татарстан и Московской являлось памятником архитектуры XIX века. Дом был построен в 1866 году по проекту архитектора Романова на средства казанского купца Апакова. Здание вроде бы незатейливое, но его украшала угловая башенка с флюгером в виде Зиланта. На первом этаже этого здания располагались лавки, магазинчики и одна из первых татарских типографий. Здесь бывали такие мэтры отечественной словесности, как Гаяз Исхаки, Фатих Амирхан, Сагит Сунчелей и другие замечательные личности татарского народа.

И вообще этот уголок Казани считался культурным центром дореволюционной татарской Казани. Рядом расположены Соборная мечеть, первая татарская библиотека, знаменитый, воспетый Тукаем Сенной базар и первый татарский клуб – центр общения и культуры передовой татарской интеллиген-

ции. Если бы удалось сохранить это культурное пространство, потомки сказали бы нам искреннее спасибо. Да и с точки зрения культурного туризма это со временем окупилось бы...

Понятно, что здание стало ветхим. В таких случаях строить новое намного дешевле, чем реставрировать старое. Но раз уж такое случилось, можно бы воссоздать здание, сохранив его прежний облик. Таким «новоделом» является, в частности, мечеть Кул-Шариф в Казанском Кремле. Однако это не снижает его исторической и архитектурной ценности. Если же на этом престижном месте воздвигнут какой-нибудь ультра-современный небоскрёб, это будет явным издевательством над памятью великого поэта. Не я первый с болью пишу об этом. Голос общественности должен бы быть когда-нибудь услышан.

В клетке мира было тесно
птице сердца моего;
Создал Бог её весёлой,
но мирской тщете чужой...

– писал Габдулла Тукай в стихотворении «Разбитая надежда». Да, сердцу поэта было тесно в душном и несправедливом мире. Но его поэзии просторно в наших сердцах.